

1881 год: Русскоязычные изложения сообщений Эдмунда О’Донована из газеты *Daily News* (по материалам газеты *Кавказ* за второе полугодие 1881 года)

Мурадгелди Соегов

Институт языка, литературы и национальных рукописей имени Махтумкули Академии наук Туркменистана
msoyegov@gmail.com

Ежедневная частная газета *Кавказ*, выходившая в городе Тифлис за номером 177 от 12 августа 1881 года в среду, в своей 3-й странице под рубрикой *Новости столичных газет наряду* с другими материалами, „поступившими из Лондона и столиц других стран, поместила“ следующее сообщение:

„Корреспондент *Daily News*, задержанный мервскими текинцами и недавно освобожденный 28-го июля (9-го августа) телеграфирует из Мешхеда: „Я прибыл сюда через Чачу, после семи дней утомительного странствования по степям и горам. Перед моим отъездом из Мерва, собрался местный совет, состоящий из текинских старшин. Они решительно просили меня опровергнуть слух о том, будто текинцы начали переговоры с Россией, а также слухи о пребывании трех мервских старшин в Петербурге. Халли-Габердиф – природный ахал-текинец, двоюродный брат Тыкма-Сардара, но вовсе не мервец. Я видел его брата вчера в Чаче. Махмуд-Кули-хан, наследственный ахал-текинский вождь, не признает права Тыкма-Сардара говорить за него или за других ахал-текинцев. Персидское правительство, по-видимому, очень старается заключить союз с мервцами, но последние от него отказываются. Сипах-Салара-Гуссейна-хана ожидают сюда из Тегерана со дня на день“ (Новости столичных, 1881).

Корреспондентом лондонской газеты *Daily News*, задержанным мервскими текинцами и потом освобожденным в 1881 году был никто не иной как Эдмунд О’Донован (Edmund O’Donovan, 13. 9. 1844 – 5. 10. 1883), который будучи сыном известного ирландского археолога и топографа Джона О’Донована (1809 – 1861), получил медицинское образование в Тринити-Колледже в Дублине. Из материалов англоязычной Википедии также узнаем, что Эдмунд О’Донован в молодости состоял членом ирландского республиканского братства, тайного общества, объединившего людей, цель которых была достижение свободы для Ирландии. Он был арестован три раза и задержан в течение нескольких месяцев.

В последующем Эдмунд О’Донован начал заниматься активной журналистской деятельностью и работал военным корреспондентом в нескольких тогдашних горячих точках мира. Так, например, во время франко-прусской войны О’Донован присоединился к иностранному легиону французской армии, был ранен и взят в плен немцами. В последующем побывал в военных действиях, развернувшихся в Испании, а затем в Боснии и Герцеговине. Его злободневные репортажи непосредственно из мест событий вызвали живой интерес у читателей *Daily News* и других газет. Погиб, не достигнув 40-летнего возраста, в тогдашнем египетском Судане во время сражения у Эль-Обейда (См. Соегов, 2020, с. 272–275).

Другой, но современный британский журналист, писатель и историк Питер Хопкирк (Peter Hopkirk, 15.12.1930 – 22.08.2014) в главе *Последний оплот туркмен* своей книги *Большая Игра против России: Азиатский синдром*, изданной в русском переводе

в 2004 году (ее английский оригинал вышел еще в 1990 году под названием *The great game: On Secret Service in High Asia*), кратко описывает некоторые стороны деятельности Эдмунда О'Донована среди туркмен следующим образом:

„В город прибыл другой англичанин. Как оказалось, им был Эдмунд О'Донован, специальный корреспондент „Дейли Ньюс“, безрассудный очевидец начала кампании против туркмен. Первоначально он намеревался сопровождать отряды Скобелева, но этому воспротивился сам генерал. Теперь он хотел добраться до туркменской цитадели Геок-Тепе прежде, чем русские начнут ее штурм, который казался неизбежным. После месячной подготовки началось большое наступление войск Скобелева. О'Донован, задержавшийся с отъездом из-за чинимых персами препятствий и собственной болезни, вел... переговоры со знакомыми туркменами насчет безопасности своей поездки в Геок-Тепе...

Наконец в январе 1881 года О'Донован получил приглашение посетить Геок-Тепе. Туркменские вожди, которые поначалу совершенно правильно думали, что он – простой корреспондент английской газеты, теперь склонились к мысли, что он – посланник британского правительства и может им помочь. О'Донован поспешил пересечь границу, надеясь добраться до Геок-Тепе раньше Скобелева. Но приглашение запоздало: русские уже окружили крепость и начали ее обстрел. Англичанин прибыл как раз вовремя, чтобы собственными глазами увидеть в бинокль с вершины близлежащего холма поспешное бегство охваченных паникой побежденных туркмен и услышать рассказы оставшихся в живых о безжалостной и мстительной резне, устроенной по приказу Скобелева. Российские войска не забыли оскорбительного для них предыдущего поражения от защитников Геок-Тепе.

Все это дало О'Доновану богатый материал для длинного и яркого репортажа о падении крепости в пустыне, который должен был вызвать в Европе большой шум“ (Хопкирк, 2004).

Рисунок 1 (слева) Титульный лист 2-го тома книги *Оазис Мерва*
Рисунок 2 (справа) Эдмунд О'Донован в туркменском одеянии

Эдмунд О'Донован в 1882 году в Лондоне издал книгу о своих приключениях в 2-х томах под общим названием *Оазис Мерва: путешествия и приключения к востоку от Каспия* (Рисунок 1), перед началом самого текста изложения которой содержатся портрет автора в восточном (туркменском) наряде (Рисунок 2). В первом томе автор рассказывает о своем путешествии из турецкого города Трабзона через Грузию и Кавказ в Баку, о пересечении Каспийского моря и путешествиях по регионам к востоку от Каспия, по Туркменистану и Ирану. Второй том практически полностью посвящен подробному описанию Мерва, где О'Донован провел пять месяцев. Теперь вернемся к приведенному в начале нашей статьи сообщению Эдмунда О'Донована, которое было помещено в газете *Кавказ* от 12 августа 1881 года. Это небольшое сообщение ценно не только тем, что в качестве отдельного документа вносится научный обиход впервые, еще оно дает основание заново взглянуть на взаимоотношения известных туркменских личностей того периода, а также на событие, развернувшееся при их участии. Но приходится начинать указание на искаженное написание в его русском тексте туркменских личных имен.

Начнем с одного и двух руководителей героической обороны Геок-тепинской крепости Махтумкули-хана, имя которого, как видим, в газете „*Кавказ*“ написано неправильно: Махмуд-Кули-хан. Прав Эдмунд О'Донован, когда пишет о разногласиях, существовавших между Махтумкули-ханом и Тыкма (Дыкма)-сердаром – другим руководителем туркменского ополчения при защите Денгиль-тепе, но возникших между ними после завершения Геок-тепинского сражения. Об этом свидетельствуют также русские источники. В большом *Рапорте начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом* от 19 октября 1881 года, в частности, читаем (приводится выдержками): „В рапорте моем от 31 августа за № 2485 я имею честь донести о посылке мною в Мерв майора милиции Тыкма-сардара, а также о возложенных на него поручениях. Восьмого числа сего месяца Тыкма-сардар вернулся. С ним прибыли из Мерва в Асхабад в качестве депутатов 24 старшины родов сычмаз и дашаяк в сопровождении 10 человек мервцев с изъявлениями покорности государю императору и чувств дружбы к русскому народу... Корреспондента *Daily news* О'Донована, как я уже имел честь донести, Тыкма-сардар в Мерве не застал. Услыхав о выезде из Асхабада в Мерв русского офицера (Тыкма-сардар), О'Донован поспешил оставить эту страну с угрозами возвратиться врагом, оставив в Мерве долги и незавидную репутацию... По словам Тыкма-сардара, Махтумкули-хан отличается крайне слабым и нерешительным характером. Во время бытности Тыкма-сардара в Мерве он несколько раз виделся с Махтумом, который был у него; при этом Махтумкули-хан ежедневно отменял свои решения относительно возвращения в Ахал, несмотря на то, что преданный ему и постоянно при нем находящийся ишан уговаривал его явиться ко мне в Асхабад. Перед отъездом из Мерва Тыкма-сардара Махтумкули-хан объявил, что он поедет в Хиву и там явится русским властям, то Тыкма-сардар сомневается, чтобы он и на это решился“ (Рапорт начальника, 1860–1880).

Отношения между Махтумкули-ханом и Дыкма-сердаром, следует полагать, оставались натянутыми до смерти последнего, наступившей его 15 июня 1882 года в асхабадском военном госпитале (См.: Мехти, 2014). Если Махтумкули-хан по какой-то причине не смог участвовать на похоронах Дыкма-сердара, но об его участии в поминках хана (отмечаемые у туркмен 3-й, 7-й и 40-й дни) можно не сомневаться. Имеются документальные подтверждения, что Махтумкули-хан вернулся из Мерва в Ахал именно летом 1882 года и затем начал преданно служить русским. В поминках Дыкма-сердара смог участвовать его сын Уразберди (в будущем первый туркменский генерал Ораз-сердар), приехавший на летние каникулы после первого года обучения в начальном военном учебном заведении и оставленный своим отцом летом 1881 года в Санкт-

Петербурге для получения военного образования (От Асхабада, 1882). Здесь же отметим, что спустя 26 лет после этих событий, в 1918 году, при создании первого Туркменского (Мусульманского) правительства также не смог найти общий язык с Махтумкули-ханом генерал Белой Армии Ораз-сердар (сын Дыкма-сердара – Уразберди), в последующем Главнокомандующий Закаспийским фронтом (Соегов, 2017, с. 83–89).

Рисунок 3 (слева) Портрет-гравюра 55-летнего Тыкма (Дыкма)-сердара (Абаза, 1902, с. 279).

Рисунок 4 (справа) Портрет-гравюра 23-летнего Махтумкули-хана (Куропаткин, 1899, с. 106).

Эти фотогравюры были нарисованы в свое время на основе их фотографий, снятых предположительно в начале 80-х годов XIX века.

Третьим туркменом, упомянутом в газетном сообщении Эдмунда О'Донована, является „Халли-Габердиф (правильнее: Халли Гаипбердиев) – природный ахалтекинец, двоюродный брат Тыкма-Сардара, но вовсе не мервец“. О нем с его неискаженной фамилией (все-таки в одном документе он числится как „Халли Хан-Бердиев, мервский текинец, родственник Тыкма-Сердара“; Медали всемилостивейшие, 1881) наравне с другими членами текинской депутации писала периодическая печать России в том же 1881 году. Приводим несколько примеров. Журнал *Всемирная иллюстрация*: „Прибывшая в нашу столицу, около 20 мая, текинская депутация состояла из пяти следующих лиц: 1) Аvez Тыкма Сардар – бывший начальник текинских вооружённых сил; 2) сын его малолетний Уразберды; 3) Магомет Аvez Сеид Гильдеев – родственник Тыкма Сардара; 4) хан Магомед Реза Оглы – ближайший родственник Тыкма Сардара; 5) Халли Гаипбердыев – родовой старшина из мервских родов, приехавший исключительно для ознакомления с Россией“ (Ахалтекинская депутация, 1881). Газета *Олонецкие губернские ведомости*: „Депутацию составили: Глава депутации Эвез Мурад-Тыкма-сердар с малолетним сыном своим, Ураз-берды, два текинца из Геок-Тепе и текинец из Мерва, Халли-Гаипбердиев“ (Текинская). Петербургская газета *Вечернее время* обратила особое внимание на одного „из мервских старшин Халли-сердар, лет 60-ти, довольно высокого роста, с седой бородой. Этот Халли-сердар не принадлежит к ахал-текинской депутации в буквальном смысле, он только сопутствует ей, чтобы посмотреть на столицу Белого царя, на его войска и вообще на Россию и о

своих впечатлениях сообщить своим родичам, находящимся в Мерве“ (Сообщение петербургской, 1881), ибо Мургабский оазис (Мерв) спустя лишь два с половиной года после высочайшего приема текинской депутации был присоединен добровольно к России по письменной просьбе местных ханов и старейшин в начале 1884 года (Соегов, 2019, с. 104–108).

Рисунок 5 (слева) Александр III Миротворец, Император России, правил с 1 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г. Фото Феликса Надара.

Рисунок 6 (справа) Ахалтекинская депутация, удостоенная высочайшего приема Императора Александр III 24 мая 1881 года в столице Российской империи.

Глава депутации Дыкма-сердар сидит в середине в первом ряду. Член депутации Халли Гаипбердиев стоит во втором ряду, слева первый (в белом халате). Фото одного из придворных фотографов.

Из приведенных выше газетных выдержек вытекает вопрос: член текинской депутации Халли Гаипбердиев, удостоенный наряду с другими депутатами приема императора России Александра III и награжденный Большой золотой медалью для ношения из шее на Анненской ленте, а также золотыми часами (Медали все милостивейшие, 1881), представлял туркмен-текинцев Ахала или все-таки Мерва? Другими словами: прав-ли Эдмунд О’Донован или правы российские журналисты, которые в своих публикациях распространяли официальную позицию государства? Думаем, что наш ответ на этот нериторический вопрос будет склоняться в пользу британского автора, нежели российским. Убедительным доводом для ответа на поставленный вопрос для нас служит тот неоспоримый факт, что среди мервцев, подписавших *Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России и Клятвенное обещание*, составленные соответственно 1 и 31 января 1884 года, имя Халли Гаипбердиева (во всех вариантах его написания) отсутствует. Оригинал этих документов был написан на туркменском языке, а их русский перевод осуществил „письменный переводчик Штаба Закаспийской области, коллежский регистратор А. Эфендиев“. Клятвенное обещание содержит имена более 30 лиц (Клятвенное), а в прошении о принятии в подданство России имеется целый список, включающий в себе имена 165 лиц, в котором также записано:

„настоящее наше прошение для вручения начальнику Закаспийской области генералу Комарову посылаем через штабс-ротмистра Алиханова с четырьмя ханами со

всех отделений по одному из каждого, а именно: Векиль – Магомед Юсуф хана Нур-Берды-Хан оглы, Бек – Мурад хана Арбаб-Бай оглы, Сичмаз – Ораз-Майлы хана Берды-Нияз-Хан оглы и Бахши – Сары-хана Чары-Бай оглы и при них двадцать четыре кетхуда по расчету распределения хана, т.е. по одному кетхуду от каждой большой канавы“ (Прошение от, 1860 – 1880).

Как видно, в этих документах отсутствуют не только имя родственника Дыкма-сердара – Халли Гаипбердиева, но и самого Махтумкули-хана, вносившего большую лепту в дело добровольного вхождения Мерва в состав России. Зато документ подписал сводный младший брат Махтумкули-хана, сын его мачехи Гюльджемал-ханши из Мерва – Магомед Юсуф хан (Мухамметюсуп-хан) Нур-Берды-Хан оглы. Все-таки британец Эдмунд О’Донован ошибался в главном: он недооценил меняющееся настроение туркмен-текинцев Мерва и думал, даже хотел, чтобы они оказали вооруженное сопротивление против присоединения их территории в состав России, подобно действиям их сородичей из Ахала, и не смог представить результаты последующих мирных усилий русских в этом деле. Согласно одному из русских архивных документов:

„О’Донован предъявил ему (российскому посланнику в Иране Власову) несколько бумаг, полученных им от мервских старшин. В числе их находилось прошение за печатями 28-ми ханов, и, между прочим, таких, кои пользуются влиянием между своими единоплеменниками. Просители сообщали английскому корреспонденту, что в Мерв имеет в скором времени прибыть русский посланец (вероятно, Тыкма-сардар) с тем, чтобы склонить туркмен поступить под русское покровительство, и что, благодаря страху, внушаемому Россией, большинство мервцев расположено высказаться в пользу подчинения этой державе. Ввиду этого ханы умоляли О’Донована поспешить с отъездом в Лондон с тем, чтобы передать великобританскому правительству их ходатайство о принятии мервского населения под защиту Англии“ (Донесение российского, 1860 – 1880).

Но история иногда вносит неожиданные поправки и существенные коррективы к намерениям и планам известных людей. Это произошло и в нашем случае. Подводя общие итоги всему изложенному, можно констатировать, что первоначально аудиенция руководителей отчаянной обороны крепости Денгиль-тепе в Геок-тепе со стороны российского императора Александра II, который погиб от рук народовольцев 1 марта 1881 года, вообще не предусматривалась, а эта идея, скорее всего, возникла у его приемника, императора Александра III после сдачи Дыкма-сердаром своего личного оружия уже установившим русским властям 27 марта 1881 года и устранения генерала М.Д. Скобелева от занимаемой должности. Высочайшие приемы для ахалтекинской депутации были устроены императором Александром III дважды: 24 мая 1881 года для первой группы, состоящей из 5 человек, и 17 июня 1881 года для маленькой группы, состоящей всего из 2 человека. Последние двое – Овезкули-сердар и Куль-батыр-сердар – прибыли в Петербург на месяц позже, чем члены первой, основной группы. Тем не менее, организовали отдельно „высочайшую аудиенцию для двух прибывших текинцев, заверявших, что без этого им будет стыдно вернуться на родину“ (Ахалтекинская депутация, 1881). Им всем были оказаны всевозможные почести, наградили их правительственными наградами, присвоили военные чины, выдали ценные подарки. Тем самым новый император России преследовал цель не только будущего верного служения государству своих новых подданных, но и показал свое покаяние перед духом многочисленных человеческих жертв с обеих сторон в результате недавно прошедших военных компаний. Эти аудиенции императора-миротворца, а также участие 15 мая 1883 года Махтумкули-хана наравне с Бухарским эмиром и Хивинским ханом в его коронации оказались сильными импульсами для всех последующих усилий, предпринятых русскими по мирному присоединению Мургабского (Мервского) оазиса в состав России.

Возвращаясь в конце опять к личности Эдмунда О’Донована (Рисунок 7) хотим обратиться к работе Александра Свистунова, известной под названием *Россия и Британия на пороге войны*, в которой находим следующую его характеристику:

„Англичане внимательно следили за деятельностью русских в Текинском оазисе – еще перед началом похода британский журналист газеты „Дэйли Ньюс“ Эдмунд О’Донован, являвшийся по совместительству тайным агентом, ходатайствовал перед Скобелевым о своем присутствии в войсках для освещения хода экспедиции. Михаил Дмитриевич сразу понял, что перед ним шпион, и журналисту отказал. Тогда О’Донован отправился в Мерв, где выступил перед тамошними туркменскими старейшинами, заявив о срочной необходимости в объединении племен при поддержке Великобритании для противодействия русской агрессии. Также он провел топографическую съемку крепости и ее окрестностей, и рекогносцировку дороги, ведущей в пограничный персидский город Мешхед. Узнав о взятии Скобелевым Геок-Тепе, О’Донован направился в Стамбул, объявив себя „посланником свободных туркмен в европейских государствах“. Русская разведка, впрочем, тоже не зря ела свой хлеб, и была в курсе всех маневров британского „журналиста“, поскольку перехватывала и копировала всю его корреспонденцию в том же Мешхеде“ (Штурм крепости, 2020).

Рисунок 7 Эдмунд О’Донован (13 сентября 1844 г. – 5 ноября 1883 г.)

Наряду с цитированием такой характеристики, следует одновременно отметить и то, что О’Донован имел в руке „высочайший“ пропуск, выданный ему русскими властями (Рисунок 8).

Рисунок 8 Российский паспорт (пропуск) О’Донована, который был выпущен от имени царя Александра II и давал своему обладателю право на путешествие из Тифлиса в Баку

Ниже в качестве двух приложений к настоящей статье приводятся тексты корреспонденций О'Донована из газеты *Daily News*, изложенные на русском языке. Они впервые появились на страницах официальной газеты Военного министерства Российской империи *Русский инвалид*, которая издавалась в Санкт-Петербурге в 1862 – 1917 гг., и затем были перепечатаны в газете *Кавказ* от 6 ноября и 10 декабря 1881 года соответственно под названиями *Мерв и его обитатели* и *Письма англичанина о Мерве*. Правописание этих текстов, составленных почти 140 лет тому назад, переведено нами со старого на современную русскую орфографию. Заодно были исправлены искажения, допущенные в написании личных имен исторических личностей, а также отдельных топонимов. Некоторые замечания по их содержанию. Несмотря на наличие в них ценных сведений, они содержат также некоторые субъективные утверждения, которые не соответствуют действительности. Так, например, то отрицательное, отнесенное О'Донованом к характеру туркмен (Приложение 1), не возможно рассматривать не иначе как его личное „отмщение“ за те неудобства, которые были пережиты им в период нахождения в плену у туркмен. Возьмем другой пример. Вряд ли незнакомый иноземец, еще иноверец и бывший пленник может за короткое время достигать таких вершин в туркменском обществе, когда его избирают наряду с двумя местными ханами (правителями) третьим членом правящего триумvirата (Приложение № 2). Конечно же, все это остается на совести британца ирландского происхождения, давно ушедшего в мир иной.

Литература:

- АБАЗА, К. К. (1902): *Завоевание Туркестана. Рассказы из военной истории, очерки природы, быта и нравов туземцев*. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича.
- Ахалтекинская депутация в Петербурге. In: *Всемирная иллюстрация*, 1881, № 652. [Дата обращения 2020-15-04.] Режим доступа: <<https://mytashkent.uz/2019/07/11/ahaltekinskaya-deputacziya-v-peterburge/>>
- Донесение российского посланника в Иране Азиатскому департаменту МИД об антирусских происках английской агентуры в Мервском оазисе. In: *ЦГИА Уз. ССР* (ныне Центральный государственный исторический архив Республики Узбекистан), Ф. 1, оп. 34, д. 540, лл. 10–12. [Дата обращения 2020-14-04.] Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/301-320/310.htm>
- Клятвенное обещание. In: *ЦГВИА* (Центральный государственный военно-исторический архив), Ф. 400, д. № 8, лл. 64–67. [Дата обращения 2020-03-04.] Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/102.htm>
- КУРОПАТКИН, А. Н. (1899): *Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880– 1881 гг. с очерком воен. действий в Средней Азии с 1839 по 1876 г.* А. Н. Куропаткин: (Сост.). В. Березовский (Изд.). Санкт-Петербург: Тип. Э. Арнгольда, IV+ 224 с.
- Медали всемилостивейшие пожалованы и повелено раздать их по изготовлению. Подарки и награды означены против каждого. In: *ЦГВИА* (Центральный государственный военно-исторический архив). Ф. 400. Д. 20.1881 г. Лл. 20–21. [Дата обращения 2020-29-03.] Режим доступа: <http://drevlit.ru/docs/central_asia/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/74.php>
- МЕХТИ, О. (2014): *Монарх и Узник*. [Дата обращения 2020-03-09.] Москва: Продюсерский центр Александра Гриценко. Режим доступа: <<https://1lafa.com/book.php?id=137909&page=5>>
- Новости столичных газет. In: *Кавказ (газета)*. Тифлис, 1881, 12 августа. № 177.
- От Асхабада до Красноводска. In: *Кавказ (газета)*, Тифлис, 1882, 18 июня, № 159.
- Прошение от депутации мервского оазиса императору Александру III о принятии в подданство России. In: *ЦГВИА* (Центральный государственный военно-исторический архив). Ф. 400, д. № 8, лл. 60–68. [Дата обращения 2020-11-03.]

Режим доступа:

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/18601880/Russ_turkmenII/Razdel_VI/101.htm>

Рапорт начальника Закаспийской области командующему Кавказской армией о положении в Туркмении, взаимоотношениях русских властей с Ираном и Мервом. In: *ЦГА ТССР (ныне Государственный архив Туркменистана)*, ф. 97, оп., 1, д. 66, лл. 40–52. [Дата обращения 2020-20-02.] Режим доступа:

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Prisoed_turk_ross/301-320/308.htm>

СОЕГОВ, М. (2017): Британские участники событий 1918 года о членах первого туркменского правительства. In: *Вестник Казахстано-Американского Свободного Университета*, вып. 2. *Общие проблемы филологии*. Уст-Каменогорск, с. 83–89.

СОЕГОВ, М. (2019): Еще раз о Махтумкули-хане, виднейшей фигуре в истории туркменско-русских отношений конца XIX и начала XX вв. In: *Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве*. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции, 5–7 декабря 2019 г. Махачкала, с. 104–108.

СОЕГОВ, М. (2020): Об одной статье любовно-приключенческого содержания, перепечатанного в газете „Кавказ“ от 13 апреля 1884 года из стамбульской газеты. In: *Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции (22–25 октября 2020 г.)*. Казань: Изд-во Казанского университета, с. 272–275.

Сообщение петербургской газеты „Вечернее Время“ от 15.05.1881 г. о прибытии в Петербург делегации от Ахал-Текинского оазиса для представления императору Александру III и для ознакомления с русской столицей. In: *ЦГВИА (Центральный государственный военно-исторический архив)*, Ф. 400, 1881 г., Л. 7. [Дата обращения 2020-15-02.] Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.htm>

Текинская депутация. In: *Олонецкие губернские ведомости (газета)*. Петрозаводск, 1881, 3 июня, № 40.

ХОПКИРК, П. (2004): *Большая Игра против России: Азиатский синдром*. Москва: Рипол Классик. [Дата обращения 2020-14-04.] Режим доступа:

<<https://www.you-books.com/book/P-Нопkirk/Bolshaya-Igra-Protiv-Rossii-Aziatskij-Sindrom>>

Штурм крепости Геок-Тепе. [Дата обращения 2020-14-05.] Режим доступа: <<https://sputnikipogrom.com/history/the-great-game/85474/gg-3-2/#.XtPsYVQzbIU>>

Приложение 1

Мерв и его обитатели

(По письмам корреспондента газеты *Daily News*)

В начале настоящего года (т. е. 1881 года) корреспондент газеты „*Daily News*“ г. О’Донован долгое время перед тем путешествовавший по Персии, вознамерился пробраться к Геок-Тепе, чтобы следить за ходом действий русских войск против ахалтекинцев. Не успев в этом, г. О’Донован решил побывать в Мерве, в виду повсеместно ходивших в то время толков, будто-бы Россия имеет намерение занять этот пункт; с большим трудом достигнув Мерва, он описал, в вышеназванной газете, свою поездку, полную разнообразных приключений и опасностей. При всей беглости заметок, писанных г. О’Донованом из Мерва, где он был задержан в качестве пленника текинцами, подозревавшими в нем русского шпиона, сообщаемые им сведения весьма любопытны, как материал для ознакомления с малоизвестным Текинским оазисом и его населением.

Поездку свою в Мерв корреспондент газеты „*Daily News*“ предпринял из Келата, направив путь чрез ущелье реки Идалыка на Каку, с тем, чтобы проехать, оттуда к реке

Теджену, где в то время собирались бежавшие от русских войск ахал-текинцы, а потом двинуться прямо к Мерву. Посещение О'Донованом Каки привело в волнение всех жителей этого городка, которые отнеслись к нему с большою подозрительностью, предполагая, что он русский лазутчик; подозрительность эта еще более усилилась, когда стало известно, что он пробирается в Мерв. Поэтому, чтобы иметь возможность продолжать путь, О'Донован принужден был прибегнуть к хитрости: он заявил, что поедет обратно в Келат и, взяв с собою двух своих слуг, действительно выехал из Каки по направлению к Келату, но затем, едва скрывшись из вида, повернул назад и, пользуясь тем, что его заслонял от Каки ряд холмов, быстро поехал в восточном направлении. Дороги тут не было никакой; приходилось ехать, руководствуясь компасом, по пустынной степи, грунт которой часто пересекался на пути глубокими канавами, нарощими густым тростником. Местность эта носила совершенно первобытный характер и изобиловала дикими зверями; по своему физическому строению она представляла неизмеримую равнину, усеянную холмами, с вершины которых глаз замечал разбросанный там и сям развалины заброшенных и опустевших городов. Первым из населенных пунктов, встреченных здесь О'Донованом, было селение Душак, которое на картах обозначается, неизвестным местному населению, названием Харде или Харардэ. В настоящее время Душак, расположен на персидской территории, но прежде он входил в состав территории Мерва. Здесь, в Душаке, О'Донован впервые встретил мервских текинцев, которые, живя постоянно в Мерве, приезжают сюда лишь на время посева и жатвы. Возделываемые ими здесь поля орошаются потоками, берущими начало на Келатской возвышенности; в виду этого обстоятельства, душакцы уплачивают Келатскому хану десятую часть своей жатвы, чтобы он не вздумал лишить их водоснабжения. Переночевав в Душаке, где прибытие иноземца, так-же, как и в Каке, возбудило тревогу, О'Донован выехал оттуда, на рассвете следующего дня, в Мяне, который, подобно Душаку, заселяется мервскими текинцами только на время полевых работ. Мяне расположен к западу от реки Теджена, до которой переезд отсюда довольно труден в знойную пору, в виду отсутствия воды на этом пространстве; притом, дорога здесь особенно небезопасна, вследствие бродящих в степи разбойничьих шаек. О'Донован, выехав из Мяне поздно вечером, чтобы не обратить на свой отъезд внимания мародеров, проблуждал всю ночь, прежде чем добрался до реки Теджена, через которую и переправился верхом, вплавь, вместе со своими спутниками – двумя слугами и четырьмя нанятыми в Мяне проводниками из туземцев. Когда до Мерва было уже не очень далеко, туземцы эти внезапно переменили свое обращение с О'Донованом, сделавшие из самых предупредительных проводников весьма грубыми; боясь ответственности за указание иностранцу пути в Мерв куда посторонние не допускались, они начали выражать подозрение, что он русский лазутчик. После долгих пререканий, решено было ехать в ближайшее селение. Селение это оказалось кучею кибиток, населенных туркменами, которые, обступив О'Донована и долго рассматривая его в упор, решили, что он действительно должен быть русским. Положение англичанина становилась критическим; толпа, очевидно, относилась к нему крайне злобно, под влиянием господствовавшего в то время среди туркменов раздражения против русских и опасения, что русские войска замышляют сделать наступление на Мерв. К счастью О'Донована, вечером приехал в деревню известный защитник Геок-Тепе, Тыкма-Сердар, который, будучи более опытным в распознавании национальностей, признал его за англичанина. Тем не менее, О'Донован был задержан местными властями и на следующий день доставлен в резиденцию текинского правительства, в город Мерв, или, точнее, в расположенный непосредственно рядом с ним форт Каушуд-хан-калу. Здесь, спустя несколько дней, созвав был меджлис или совет старшин, для решения вопроса о том, как поступить с заезжим иноземцем. Выслушав доводы О'Донована, который,

предъявив свои документы, просил снести, в видах удостоверения его личности, с британским агентом в Мешхеде, меджлис постановил смертной казни его не предавать (как требовала толпа), а держать в плену, впредь до получения о нем надлежащих сведений. Во время своего продолжительного нахождения в плену у мервцев, О'Донован успел снискать себе расположение и, до известной степени, даже уважение в среде местных влиятельных лиц, благодаря чему он, имея возможность объездить, в сопровождении конвоя, все окрестности Мерва и собрать немало любопытных сведений о стране и ее населении. Беседуя с местными старожилками и стараясь тщательно проверить их рассказы путем сличений и сопоставлений, О'Донован пришел к следующим выводам относительно исторического прошлого нынешних обитателей мервской территории. По смерти известного правителя Персии, Надир-шаха, когда воспоминание о его военных успехах стало исчезать и могущество Персии начало падать, кочевники, находившиеся в хивинском подданстве, переселились к югу, заняв Ахал-Текинскую область, и болотистые места по реке Теджену. Затем, власть их вскоре распространилась вплоть до подошвы Аллах-Акбарского горного хребта, образующего естественную границу между Персией и расстилающимися к северу от нее обширными равнинами. Часть этих кочевников, поселившаяся вдоль северных склонов гор, по-видимому, осталась довольна избранным местом жительства; те-же, которые установились со своими кибитками в болотистых окрестностях Теджена, признали за лучшее перекочевать в другие места, так как на болотах люди сильно заболели лихорадкой; лет пятьдесят тому назад, они перебрались в Серахс. То были нынешние мервские текинцы. Между тем, и другие туркмены, воспользовавшись упадком военного могущества Персии, двинулись с прежних кочевий и заняли берега реки Мургаба, вплоть до нынешней границы Афганистана у Пендже; это были туркмены-салоры и сарыки. Местность, обитаемая ныне мервскими текинцами, в течение целого столетия принадлежала сарыкам; потом она занята была мервскими текинцами, которых, однако, двадцать пять лет тому назад, в начале царствования нынешнего персидского шаха, вытеснили оттуда персы. Вслед затем, там снова водворились сарыки, и так как они уже не хотели впоследствии уступить свое место текинцам, то между обеими сторонами, несмотря на их родственную связь, завязалась борьба, окончившаяся тем, что сарыки были оттеснены к югу и поселились вдоль реки Мургаба, где и живут доныне. Бывший их город Порсы-кала, перешел в руки текинцев и стоит теперь заброшенный, необитаемый, в развалинах. Года три спустя после этого, нынешний персидский шах Насыр эд-Дин сделал попытку завоевать Мервский оазис; сарыки, питавшие злобу против мервцев, присоединились к нему. Поход этот окончился, однако, очень неблагоприятно для персов, которые были разбиты и бежали в Мешхед, оставив в руках неприятеля все свои орудия и много пленных. Сарыки до сих пор ненавидят мервцев, помня, что. Они прогнали их с прежних кочевий. Правда, некоторые из них, живущие рядом с территорией мервских текинцев, стараются сохранять добрые, по внешности, отношения с ними, находясь в зависимости от мервцев по части орошения полей; но сарыки, поселившиеся выше по течению Мургаба, находятся в непримиримой вражде с мервцами. Салоры, живущие непосредственно между территориями сарыков и мервцев, состоят в безусловной зависимости от последних во всем, что касается пользования пастбищами и водоснабжением. Есть еще одна группа туркменов – эрсари; но они уже так давно отделились от центральной группы, мервских текинцев, что всякая связь между ними ослабла. Тяготая к Бухаре, эрсари ограничивают свои сношения с мервцами тем, что делают частые разбойнические набеги на их территорию.

Относительно внутренней организации мервских текинцев О'Доновану удалось собрать следующие данные. Туркмены распадаются на два больших колена – тохтамышей и утамышей. Первые (старейшее колено) живут на территории к востоку от

Мургаба, а последние – к западу от нее. Во главе каждого колена стоит особый хан: у тохтамышей – Баба-хан, сын знаменитого среди туркменов Каушуд-хана, нанесшего персам поражение двадцать два года тому назад, а у утамышей – Аманнияз-хан. Тохтамышы претендуют на старшинство, в виду своего численного превосходства и на том основании, что хан их, будто-бы, есть потомок очень старинного рода. Каждое из двух названных колен распадается на два племени, которые, в свою очередь, подразделяются на еще более мелкие группы, которых в общем насчитывается двадцать четыре. По внешнему виду люди, принадлежащие к этим отдельным группам, почти ничем не отличаются друг от друга и определить, к какой разновидности принадлежит тот или другой человек, может только очень опытный глаз туземца. Во главе каждой из двадцати четырех групп находится старшина, „кетхуда“, нечто в роде местного патриарха. Двадцать четыре кетхуда, собираясь под председательством обоих ханов, Баба-хана и Аманнияз-хана, при участии старейших возрастом обывателей („седобородых“), образуют меджлис или мервский парламент. Заседания этого собрания происходят публично, под открытым небом, причем члены парламента сидят на земле, подвернув под себя ноги, а кругом толпится масса народа. Какой-бы вопрос ни обсуждался меджлисом, хотя-бы самый важный, народ не устраняется от присутствия при прениях этого собрания, постановления которого имеют силу закона. По постановлению какого-нибудь решения меджлисом, оба хана, при содействии главнейших его членов, тотчас-же делают соответственные распоряжения, исполнение которых возлагается на „сердарей“. Название сердара присваивается каждому туркмену, обнаружившему выдающиеся дарования по части военного предводительства в поле; к числу таких лиц принадлежит и известный Петербургу Тыкма-Сердар, защитник Геок-Тепе. Человек, отличившийся только храбростью, называется у мервцев „багадуром“ или, сокращенно, „батыром“. В видах охранения безопасности в степи у мервцев учреждена особая конная полицейская стража, которая во время нахождения О’Донована в плену, подверглась, по его советам, значительному усовершенствованию. Из разных мест переселена была в Мерв тысяча семейств, которые, расположившись со своими кибитками в отведенной для них части города, обязались выставлять по первому требованию главного начальника полиции, „ясаул-баши“, тысячу всадников. В случае получения известия о разбойническом набеге, стража эта тотчас-же выезжает на поиски и, в случае поимки грабителей, получает вознаграждение из средств виновных. Определенного же жалованья стражники не получают, да и платить-то им было-бы не из чего, так как в Мерве, за отсутствием всяких налогов, не существует никакого центрального фонда для удовлетворения общественных нужд. Вообще администрация Мерва лишена всяких определенных форм. Так, например, споры между частными лицами решаются дракой, нередко кончающейся убийством, за которое, в подобных случаях, наказание не полагается; только споры об имуществе или по купле-продаже поступают на рассмотрение того или другого из обоих ханов, по принадлежности, причем хан, когда признает нужным, расправляется с тяжущимися палкой. Стремление к законности среди текинцев не существует вовсе; даже полицейская стража, организованная по плану О’Донована, представлялась последнему недолговечной, в виду того, что общественное мнение в Мерве относится сочувственно к свобода разбойничьих набегов. Войска мервских текинцев (если, вообще, можно назвать их войсками) состоят из сброда всех физически пригодных к бою людей, в которых предполагается приобретенный дома навык владеть оружием. Ни высших офицеров, ни иных военных градаций не существует и вся эта вооруженная масса не имеет ни малейшей внутренней, духовной связи. Нужно прибавить, что, по наблюдениям О’Донована, туркмен вообще лишен всякого представления о святости долга или о преданности делу или предводителю; притом, он по натуре лукав и вероломен до

последней степени. Укреплениями своими мервские текинцы также не могут похвалиться. Твердыня их, форт Каушуд-хан-кала, построенный лет 20 тому назад, в видах обороны от вторжения персов, совсем не соответствует тому, что принято понимать под укреплением. Земляной крепостной вал насыпан с таким отсутствием понимания дела, что постоянно размывается дождем и осыпается; будучи выведен почти без ломанных линий, он устраняет всякую возможность перекрестного огня против атакующего неприятеля. На верхней площади вала, скаты которого чрезвычайно круты, выведен глиняный бруствер, также постоянно требующий ремонта. Вооружение, вполне соответствующее достоинствам крепостной постройки, состоит из орудий, отнятых двадцать два года тому назад у персов, находящихся в большой неисправности; пушки валяются на земле, около изломанных лафетов, и сильно попорчены. Боевых припасов в наличности нет и отсутствие их нисколько не беспокоит мервцев. На заявление О'Донована о странности такого явления, особенно в такое время, когда ожидалось наступление русских войск на Мерв, ему отвечали, что если окажется нужным, то на базаре найдутся люди, умеющие приготовить порох, а что касается снарядов, то их можно всегда найти вдоволь – стоять только порыться в земле, в тех местах, куда персы во время атаки их на укрепление, но преимуществу, направляли свои выстрелы. Таковы, в кратких чертах, сведения, передаваемые О'Донованом собственно о Мерве и жителях Мервского оазиса. Что касается исторических данных о передвижениях туркменом после упадка военного могущества Персии, то в этом отношении сведения О'Донована, по собственному его сознанию, не могут считаться безусловно верными в подробностях, хотя они и представляют известное значение. Дело в том, что, набрасывая свои заметки, О'Донован руководствовался из устными рассказами стариков-туркменом, бывших очевидцами событий последнего двадцатипятилетия. Рассказчики эти, сохранив в памяти общую картину минувшего, не умели, однако, представить ход событий в связном, последовательном изложении, потому что хронологические подробности совершенно изгладились в их воспоминании, как бываете вообще у людей темных, живущих изустными преданиями. Тем не менее, письма О'Донована знакомят, до известной степени, читателя с условиями быта жителей этой малоисследованной местности Средней Азии, куда, благодаря русским войскам, начинает уже проникать отблеск цивилизации. Одной из наиболее существенных выгод, достигнутых пока в этом отношении, является то, что русские войска, проникнув до среднеазиатских невольничьих рынков, положили предел открытой торговли людьми, из которой еще недавно Мерв извлекал большие доходы.

(Газета *Кавказ* от 6 ноября 1881 года, № 244)

Приложение 2

Письма англичанина о Мерве

Корреспондент газеты „*Daily News*“ г. О'Донован, освободившись из плена у текинцев, выехал, как известно, из Мервского оазиса обратно в Англию и, на пути, остановился на некоторое время в Константинополе. Отсюда он прислал в названную газету письмо, служащее небезынтересным дополнением прежних его корреспонденций, с содержанием которых читатели „*Кавказа*“ уже знакомы (Имеется в виду „Мерв и его обитатели“). Уезжая из Мерва, О'Донован был уверен, что все посланные им в редакцию письма доставлены по назначению; но когда он прибыл, на обратном пути, в Тегеран, то оказалось, что гонец, с которым он отправил однажды несколько писем, сразу был зарезан курдами около Тебриза. Курды вскрыли его сумку и, увидав в ней письма, изорвали их и бросили на дороге. Спустя несколько времени, проходившие из Тебриза почта подобрала валявшиеся лоскутки бумаги и доставила их в Тегеран, где они и

вручены были, в виде связки, приехавшему туда О'Доновану. По этим разрозненным лоскутам О'Донован кое-как восстановил описание предшествовавших его отъезду из Мерва событий; сущность его рассказа приведена ниже.

В прежних письмах О'Донована было сообщено, что после многих неприятных приключений ему удалось не только рассеять подозрения текинцев на его счет, но даже приобрести доверие местных властей и населения. Реакция в этом отношении, как случается почти всегда, была весьма резкой: люди, еще недавно встречавшие непрощенного гостя суровыми и подозрительными взглядами, стали теперь относиться к О'Доновану с чрезвычайной благосклонностью. Одним из последствий такого поворота в настроении мервцев, к удивлению О'Донована, было то, что в составе местного управления произошли существенные перемены. Дело в том, что года за полтора перед этим персидский шах выразил желание, чтобы из Мерва прислан был к нему специальный посол и чтобы в этом качестве прибыл, если возможно, один из местных ханов. Правящих ханов было в то время в Мерве двое: предводитель тохтамьшского колена, Баба-хан, и предводитель колена утамьшского – Аманнияз-хан: ни тот, ни другой не решался, однако, ехать в Персию, подозревая возможность какого-нибудь коварства со стороны шаха. Поэтому они решили отправить к шаху одного из мервских ханов, Каджара-хана, не принадлежавшего к правящим домам; с этой целью совет старшин, собравшись в заседание, избрал Каджар-хана временным правителем Мерва и послал его в Персию, предоставив его всем случайностям гнева или милости Насыр эд-Дина. К счастью для него, он не погиб в Тегеране, и хотя поездка его не дала никаких результатов, однако, мервцы оставили потом за ним однажды дарованный ему титул правителя, в благодарность за мужество, с которым он принял возложенную на него миссию. Положение мервцев было в то время далеко не безопасным: ожидали, что русские войска сделают вскоре нападение на Текинский оазис и потому мервцам нужно было усиленно заботиться об устройстве обороны. Работа кипела и всех усерднее действовал Каджар-хан; но в эту пору оба правящие хана, Баба и Аманнияз, движимые личными интересами стали интриговать против Каджара и достигли того, что он был лишен власти. По решению совета из двухсот человек, в число которых вошли оба наследственные ханы тохтамьшей и утамьшей, вакантное место третьего правителя предоставлено было О'Доновану, причем совет постановил, чтобы Мерв управлялся впредь и в мирное, и в военное время, триумвиратом. О'Донована освободили от обязательства жить в отведенной ему палатке, которая охранялась караулом; для его новой квартиры был нарочно выстроен особый редут, в 70 квадратных ярдов, и но среди этого редута поставлена была предназначенная для него кибитка. При этом О'Доновану присвоено было звание ихгиара-багадура-хана. Церемонию, которою сопровождалось назначение его на эту должность, О'Донован описывает следующим образом. 30-го апреля, рано утром, он был разбужен шумом необыкновенно оживленного движения на улицах Мерва. Будучи всегда наготове, что необходимо в этих полудиких краях, О'Донован вскочил с постели, накинул на плечи свой бараний архалук (кузгун) и выбежал на улицу. Тут он увидел массу двигавшегося народа. Всюду разъезжали всадники, холодное оружие которых сверкало под лучами утреннего солнца; виднелись, развевающиеся флаги, слышались ружейные выстрелы. Оказалось, что это оживление знаменует собою прибытие ханов Бабы и Аманнияза, которые едут в Мерв, чтобы вновь принять в руки государственную власть. Старик-текинец, долгое время состоявший при арестованном О'Доиване в качестве караульного, но теперь оказывавшей ему всяческое внимание, объяснил англичанину, что он поступил-бы весьма вежливо, если-бы выехал верхом на встречу правителям О'Донован последовал этому совету, а когда подвигавшаяся к городу кавалькада достаточно приблизилась, он сошел с лошади и,

согласно правилам восточной вежливости, стал ожидать, пока подъедет Баба-хан, ехавший впереди кавалькады. Окруженный густой толпою зевак, желавших как можно ближе рассмотреть будущего нового начальника, О'Донован был вскоре замечен Баба-ханом, который тотчас-же сошел с коня и, подойдя к англичанину, обратился к нему с обычными приветствиями. Затем, взявшись за руки, они вместе направились к тому месту, где назначено было заседание меджлиса, оказавшегося уже в сборе. Вскоре, с другого конца города, в облаке пыли, показалась другая кавалькада, во главе которой ехал хан утамышский, Аманнияз. Когда он сошел с лошади, с крепостного вала грянул пушечный выстрел, в ознаменование предстоящего установления нового правительства. Взявшись за руки, оба хана и О'Донован торжественно вступили в середину круга, образованного представителями мервцев, и расположились на приготовленном для них ковре. Затем, все трое еще раз обменялись обычными в подобных случаях приветствиями и приступили к курению кальяна. Курили долго, среди всеобщего молчания: потом ханы снова взяли О'Донована за руки и повели его в его собственную квартиру, где у входа оказался водруженным на высоком шесте красный шелковый флаг, служивший эмблемой звания председателя триумvirата. Звание это дано было О'Доновану, как он думает, в тех видах, чтобы через англичанина заручиться дружбой западных народов. Усевшись перед входом в свою кибитку, О'Донован очутился лицом к лицу с расположившейся перед ним огромной толпой народа; люди, пришедшие сюда с места, назначенного для заседания меджлиса, теснили друг друга и толкались, стремясь посмотреть на „новое правительство“. С крепостного вала стреляли из пушек; ханы, для пущей торжественности, напустили на себя величайшую серьезность. Все три правителя долго сидели молча, так как каждый из них, по чувству вежливости, желал предоставить первое слово другим, причем оба хана видимо обдумывали свои речи, как-бы стараясь, вместе с тем, проникнуть мысли своих сотоварищей; такое положение представлялось крайне странным и потому О'Донован решил прервать молчание. Как ни трудно ему было объясняться на ягатагском (татарском) наречии, однако, подстрекаемый обстоятельствами, он решил произнести речь, как умеет. По настоящему, среди туркменов надобно избегать речей на политические темы, но О'Донован счел невозможным уклониться от этого, находя, что члену триумvirата нужно говорить именно о политике. Притом, собравшиеся здесь мервские начальники были сильно озабочены ближайшим будущим их родины; недавнее падение Геок-Тепе и ожидавшееся движение русских войск на Мерв преисполнили их мрачными опасениями. Они, конечно, надеялись услышать от иностранца несколько слов, которые уяснили-бы им положение дел. Что касается О'Донована, то положение его было крайне странно. Появление его среди мервцев совпало с приостановкой наступательного движения русских войск и это дало жителям Мерва повод предполагать, что его прибытие в оазис находится в связи с названным обстоятельством. Общественное мнение решило, что именно, вследствие приезда англичанина в Мерв русские войска отказались от движения на Мервский оазис, и вот О'Донован из подозрительного арестанта превратился в члена триумvirата. Когда О'Донован поднялся с своего места, чтобы произнести речь в собравшейся толпе водворилось молчание; Баба-хан, обратившись к О'Доновану, предложил ему высказать свое мнение о положении дел и объяснит, что следует предпринять, чтобы предотвратить вторжение русских войск. О'Донован, в кратких выражениях, указал на непосредственные причины покорения ахал-текинцев русскими, напомнив, как ахал-текинцы, несмотря на все деланные им предостережения, продолжали совершать набеги на русские владения и на караваны, ходящие в Хиву и из Хивы, что и навлекло на них военную кару. Он пояснил, что такая-же участь несомненно ожидает и мервцев, если они не прекратят совершенно и, притом, немедленно своих нападений на соседей. Тут оратор был прерван одним из членов собрания, который

остался очень недоволен таким советом и в изумлении спросил, чем же мервцы будут жить, если набеги прекратятся. Протест этот высказан был с такой энергией и с такой уверенностью в его основательности, что О'Донован с трудом удержался от смеха; стараясь сохранить полную серьезность, он возразил, что в случае покорения Мерва русскими, мервцам, все таки, непременно придется отказаться от набегов, а поэтому лучше уже сделать это теперь. при этом он указал, кстати, на закрытие русскими невольничьих рынков в Хиве и Бухаре и пояснил, что пока мервцы не изменят своих обычаев, до тех пор будет существовать опасность покорения их русскими, ссылаясь на видневшиеся в окрестностях развалины бывших городов, О'Донован распространился о прежнем величии Мерва, носившего название „Мару-шаху-джахан“, что значит „царица мира“, и поставил вопрос: восстановление прежнего величия не лучше ли существования, будущность которого нисколько не обеспечена? Далее, он доказывал, что, если-бы движение караванов по оазису между Самаркандом, Бухарой и Хивой было обеспечено, то доходы, которые извлекались-бы из небольшого налога на провозимые товары, были-бы несравненно больше, чем выручка от случайных набегов. Речь свою О'Донован заключил уверением, что, именно, такая система служит основой богатства и непобедимости европейцев и, в конце-концов, убедился, что говорить не даром совет согласился принять его программу. На этом кончается новое письмо О'Донована, который готовит теперь к печати разные другие заметки о своем пребывании в Мерве.

(Газета *Кавказ* от 10 декабря 1881 года, № 279)

Summary

1881: Russian-speaking statements of messages of Edmund O'Donovan from the newspaper *Daily News* (on materials of the newspaper *Caucasus*: for the second half of the year 1881)

Newspaper messages of correspondent Edmund O'Donovan (1844-1883) from August, 12th 1881 and its other publications on the basis of publications of Russian-speaking periodicals of the same year and also separate archival documents are considered. On an example of these publications O'Donovan activity Тукма (Dykma)-serdar, the Magtymguly-khan and some other historical persons in affairs of voluntary occurrence of an oasis Merv in structure of the Russian empire is discussed. In the second part of article *Merv and its inhabitants* and *Letters from the Englishman on Merv* without the corresponding comment is reproduced texts of articles of the same correspondent.